

Ланге Николай Иванович

**Древнее русское уголовное
судопроизводство XV, XV, XV
и половины XV веков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Иванович Л.**
Древнее русское уголовное судопроизводство XV, XV, XV и половины XV
веков / Ланге Николай Иванович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 253 с.

ISBN 978-5-519-92424-5

ISBN 978-5-519-92424-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНИЕ.

Всякое древнее уголовное судопроизводство какого бы то ни было народа всегда носить въ себѣ слѣды племенной особенности этого народа, и потому не можетъ не представлять нѣкоторыхъ данныхъ для уясненія основныхъ чертъ его духа. Устанавливая положительныя, иногда строго опредѣленныя, правила относительно вмѣненія преступленій и изобличенія виновныхъ на судѣ, уголовное судопроизводство давно минувшихъ столѣтій, въ самой сущности этихъ правилъ, необходимо обнаруживаетъ, хотя отчасти, характеръ того народа, у котораго оно возникло, его практическій смыслъ и понятія его о правдѣ и справедливости.

По этому изученіе такого судопроизводства, въ связи вообще съ исторіею современнаго ему права, пригоднo не для удовлетворенія только празднаго любопытства поклонниковъ старины, но полезно и для людей, облеченныхъ властью, какъ одно изъ средствъ къ познанію ими въ постепенномъ національномъ развитіи того общества, среди котораго имъ приходится дѣйствовать.

Нельзя отрицать, что источникомъ печальныхъ законодательныхъ ошибокъ нерѣдко бываетъ незнаніе народнаго духа. Оно порождаетъ, кромѣ того, шаткость въ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, стремленіе къ введенію новизны во что бы то ни стало, и презрѣніе къ старому государственному строю жизни, будто бы вовсе несоотвѣтствующему началамъ современной цивилизаціи. Все это плоды легкомысленнаго уклоненія отъ народнаго міровоззрѣнія разныхъ случайныхъ общественныхъ дѣятелей и полного непониманія ими истинныхъ историческихъ условій прочнаго государственнаго прогресса той или другой страны. Въ своемъ недомысліи, подобные дѣятели, эти часто огульные, по неспособности къ самостоятельному сужденію, по пуган либерализма, не могутъ постичь того, что старое, искони существовавшее, составляетъ иногда важную органическую основу въ бытѣ даннаго народа, и что произвольное разрушеніе ея не всегда бываетъ безопасно. По сему Дрэперъ справедливо замѣчаетъ, что избавить общество слишкомъ поспѣшно отъ узды старыхъ идей, значить даровать ему не свободу, а натолкнуть его на путь политическаго бродяжничества *).

Къ сожалѣнію, изученіе духа русскаго народа, по его письменнымъ памятникамъ — юридическимъ, историческимъ и бытовымъ, — мало подвинулось у насъ впередъ. Весьма часто оно основывается не на строгомъ и правдивомъ изслѣдованіи старины, а на однихъ своеобраз-

*) См. Исторію умственнаго развитія Европы. Джона Дрэпера. Спб. 1869. Т. 1-й, стр. 47.

ныхъ, нерѣдко тенденціозныхъ, о ней гаданіяхъ и выводахъ, несогласныхъ съ историческою дѣйствительностію.

Задавшись цѣлью изслѣдовать древнее русское уголовное судопроизводство XIV, XV, XVI и половины XVII вѣковъ, до изданія Уложенія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, мы вполне сознаемъ всю трудность достижения хотя незначительнаго въ томъ успѣха, въ виду недостаточности и отрывочности изданныхъ доселѣ источниковъ по выбранному нами предмету.

Все, что только сохранилось пригоднаго для нашего изслѣдованія отъ означенныхъ столѣтій, именно: уставныя грамоты, оба судебника съ дополненіями къ нимъ, губныя грамоты, книга Разбойнаго Приказа царя Іоанна IV, прибавленія къ ней постановленій царей Ѳедора и Бориса и кое какіе другіе акты *) — представляютъ относительно судопроизводства лишь сбродные, перемѣшанные между собою, отрывки когда то цѣльной, и можетъ быть даже не лишенной своеобразной стройности, системы отправленія древняго русскаго правосудія.

Но, говоря это, мы вовсе не предполагаемъ утраты ка-

*) Прим. Судебникъ 1550 г. дополнялся: 1) Самимъ издателемъ его Іоанномъ IV съ 1550 по 1582 годъ (Ак. ист. Т. I № 154). 2) Царемъ Ѳедоромъ съ 1588 по 1597 г. (Ак. ист. Т. I № 221). 3) Царемъ Василиемъ Шуйскимъ съ 1607 по 1609 годъ (Ак. ист. Т. II № 85). 4) Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ съ 1620 по 1645 годъ (Ак. ист. Т. III № 92) и 5) Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ съ 1645 по 1648 годъ (Ак. ист. Т. IV № 6).

кихъ либо законодательныхъ памятниковъ съ систематическимъ изложеніемъ въ нихъ всего нашего древняго судопроизводства. Такихъ памятниковъ очевидно не существовало. Сказанное нами станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что русскіе судьи XIV, XV, XVI и XVII вѣковъ, при отправленіи своихъ обязанностей, руководствовались, кромѣ писанныхъ законовъ, еще и древними обычаями. О важномъ значеніи обычая въ старинномъ русскомъ судѣ свидѣлствуютъ не только Олеарій, но и наши отечественные историческіе акты, именно договоръ 1610 года бояръ съ гетманомъ Жолкѣвскимъ объ избраніи царемъ королевича Владислава, и грамота царя Михаила Федоровича 1622 года. Въ означенныхъ актахъ сказано: въ первомъ: „а суду быти и совершатись по прежнему обычаю и по судебнику Россійскаго Государства“ (Ак. эк. Т. II № 165); во второмъ: „судити во всѣхъ дѣлѣхъ по нашему царскому указу и по соборному Уложенію и по прежнему обычаю, какъ было из стари“ (Ак. эк. Т. III № 123 *). Эти то древніе обычаи восполняли недостаточность какъ общихъ, такъ и частныхъ писанныхъ законоположеній, и совокупно съ ними и составляли ту, созданную самую жизнь и нелишенную нѣкоторой цѣльности,

*) Прим. Въ этой грамотѣ, а также въ грамотахъ 1551 и 1622 годовъ (Ак. эк. Т. I № 229 и Ак. эк. Т. III № 126) Судебникъ 1550 г. называется Уложеніемъ еще прежде появленія Уложенія царя Алексѣя Михайловича Постановленія собора 1551 г. также именуются соборнымъ Уложеніемъ (Ак. Ист. Т. I № 155).

систему русскаго судопроизводства, о которой мы упомянули выше.

Въ настоящее время, когда обычаи, которыми руководствовались на Руси въ старину при отправленіи правосудія, исчезли почти безслѣдно, когда уголовныя дѣла давно минувшихъ вѣковъ утеряны, или доселѣ не изданы, и когда для предположеннаго нами труда остались одни только отрывочныя свѣдѣнія — возстановить на основаніи ихъ, хотя отчасти, систему нашего древняго судопроизводства — представляется задачею весьма нелегкою. Приходится, такъ сказать, сличать между собою сохранившіеся обломки отъ цѣлаго когда то зданія, и понимать выводы о его формѣ и деталяхъ. — Разумѣется, ошибки при такомъ способѣ работы неизбежны, но мы надѣемся, что наша попытка вызоветъ со стороны другихъ лицъ болѣе точныя изысканія относительно разсматриваемаго нами предмета.

Прежде нежели приступимъ къ изложенію частныхъ нашего изслѣдованія, укажемъ на общую мысль, положенную въ основу всей системы древняго русскаго судопроизводства, и служащую какъ бы объяснительнымъ къ ней руководствомъ.

Подобно тому, какъ нынѣ слова: „да правда и милость царствуетъ въ судахъ“, характеризуютъ въ идеѣ систему новаго русскаго судопроизводства, такъ точно въ старину постановленіе: „судомъ не мстити и не дружити никому“ заключало въ себѣ основное начало нашего древняго суда. Такое начало строгаго, нелицепріятнаго правосудія, выраженное въ обояхъ судебныхникахъ и еще раньше въ другихъ па-

мятникахъ отечественнаго права, наприм., въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года и пр. *) представляетъ не одинъ только личный взглядъ того или другаго государя, а истонное понятіе о судѣ всего русскаго народа.

Еще въ XIII вѣкѣ нашими лѣтописцами превозносятся судъ истинный, нелицемѣрный, независимый отъ вліянія сильныхъ бояръ и ограждающій слабаго отъ ихъ притѣсненій и насилій. (Пол. собр. лѣт. Т. I стр. 184 и 185). Но кромѣ лѣтописцевъ, извѣстный игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, св. Кириллъ, въ посланіи своемъ къ Можайскому удѣльному князю, Андрею Дмитріевичу, такъ отзывается о необходимости строгаго, нелицепріятнаго отправленія правосудія: „ты, господине, смотри того: судьи бы судили праведно, какъ предъ Богомъ, посуловъ бы не имали, довольны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: да не оправдиши нечестиваго мзды ради, ни сильна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата—свойства ради, ни друга—любве ради, ни нища — нищеты ради; не сотвориши неправду на судѣ. Такоже, господине, и разбоя бы и татьбы въ твоей отчинѣ не было, и аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойны“ (Ак. ист. Т. I № 16).

Съ другой стороны черные тяглые люди разныхъ мѣстностей Россіи, приносившіе жалобы Верховной вла-

*) Прим. Въ Новгородской грамотѣ 1471 г. сказано: „Судити всѣхъ ровво, какъ боярина, такъ и жителяго и молодчаго челоѣка; а судити право, по крестному цѣлованію“ (Ак. эк. Т. I № 92).

сти на бездѣйствіе судебныхъ чиновъ относительно преслѣдованія преступниковъ, тѣмъ самымъ выражали желаніе имѣть судъ строгій и немздомный (Аб. эк. Т. I №№ 234, 242 и 243).

Все это указываетъ на отечественный идеаль суда по народному о немъ сознанію, кратко выраженный, какъ мы сказали выше, словами: „судомъ не мстити и не дружити никому.“ Дѣйствительность существованія такого идеала подтверждается еще и тѣмъ соображеніемъ, что приведенныя нами слова составляли не теоретическое разсужденіе, а законъ. Законы же, относившіеся до суда, создавались у насъ въ старину не по кабинетному, отвлеченному измышленію, а самую жизнь, и возникали, какъ извѣстно, двумя способами: или по ходатайству земли, чрезъ посредство тѣхъ или другихъ общинъ, заявлявшихъ предъ престоломъ о своихъ нуждахъ (Аб. эк. Т. I №№ 187, 224 и др.), или по судебнымъ боярскимъ приговорамъ, обращавшимся, съ утвержденія царей, въ законъ. Въ Судебникѣ 1550 года было даже постановлено: „а которыя будутъ дѣла новыя, а въ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ Государева доклада, со всѣхъ боярь приговору, вершатся, и тѣ дѣла въ Судебникѣ приписывати“ (Аб. ист. 1. I № 153 ст. 98.)—И такъ, очевидно, что древніе русскіе законы не могли не отражать въ себѣ народнаго духа и его неотложныхъ потребностей, и что эти потребности заявлялись не въ умозрительной доктринѣ какого-либо одного лица, а практической, всѣми сознанною, ихъ настоятельностью.

Сообразивъ все сказанное и принявъ во вниманіе

руководящее значеніе въ нашемъ древнемъ судѣ старыхъ обычаевъ, мы не находимъ ничего неожиданнаго и новаго въ томъ, что въ договорѣ 1610 года съ гетманомъ Жолгѣвскимъ, бояре требовали, чтобы законы, относившіеся до суда, издавались „по совѣту съ Думою бояръ и всей земли, и чтобы, сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ бояры, ни въ чемъ не прибавлять“ (Ак. эк. Т. II № 165). Безъ сомнѣнія, въ означенномъ договорѣ бояре главнымъ образомъ отстаивали старину, боясь нарушенія ея со стороны иноземца Владислава. Во всякомъ случаѣ, безспорно, что древнее наше право создавалось не единичною только волею, но по насущнымъ указаніямъ самой жизни.

Такимъ образомъ, въ окончательномъ выводѣ, нельзя не убѣдиться, что слова: „судомъ не мстити и не дружити никому“, составляли въ системѣ нашего древняго судопроизводства основное, жизненное начало, выражавшее въ себѣ сознаніе всего русскаго народа о сущности правды на судѣ. Строгое, ни кому не потворствующее отношеніе къ дѣлу, одинаково безпристрастное для друга и врага, для боярина и не боярина — вотъ задача суда по понятіямъ русскихъ людей разсма- триваемаго нами времени. Они не требуютъ ни снисхожденія, ни милости, а только одной строгой, неумолимой справедливости, правды по крестному цѣлованію. Притомъ, въ древности у насъ милосердіе понималось преимущественно какъ удовлетвореніе обиженнаго, а не какъ потворство преступнику, особенно въдомому лихому человѣку. (Ак. юр. №№ 32, 33, 36,

37, 38, 43 и др.). Это замѣчательная черта русской старины, къ несчастію забытая въ наше время!

Вопросъ, въ какой мѣрѣ дѣйствительность соотвѣтствовала изображенному нами народному идеалу суда, не имѣетъ для насъ существеннаго значенія, такъ какъ мы предположили изслѣдовать законы судопроизводства, а не фактическое проявленіе и осуществленіе ихъ въ жизни. Важно лишь то, что сознаніе о необходимости и святости строгаго, нелицепріятнаго суда жило въ духѣ нашего народа и въ Верховныхъ руководителяхъ его историческихъ судебъ, а потому не могло не отразиться и въ самыхъ постановленіяхъ о судопроизводствѣ. — Скажемъ только, что въ періодъ XIV, XV и XVI столѣтій, русскій народъ жаловался столько же на корыстолюбіе судей, сколько и на то, что судъ не ограждалъ общественной безопасности строгимъ преслѣдованіемъ преступниковъ, которые, особенно тати и разбойники, до того размножились, что на нихъ нерѣдко приходилось выходить съ военною силою, „со всякимъ ратнымъ боемъ“ (Ак. эк. Т. I №№ 187, 224, 234; Ак. ист. Т. 111 № 197 и др.). Но не тѣ ли же самыя жалобы на послабленіе преступникамъ слышатся въ обществѣ и въ настоящее время? Не прибѣгаютъ-ли зачастую въ виду такого послабленія и теперь наши крестьяне къ суду Линча? Жалкая, подумаешь, судьба русской юстиціи: при ясномъ народномъ сознаніи о необходимости строгаго суда, народъ нашъ до сихъ поръ не дождался осуществленія своего идеала, и изъ вѣка въ вѣкъ тянется его безконечная жалоба на неудовлетворительныя дѣйствія правосудія.

Окончивъ введеніе къ настоящему изслѣдованію, означимъ предварительно и самые его отдѣлы.

Сначала, въ первомъ отдѣлѣ, мы представимъ краткій очеркъ древняго русскаго судоустройства, необходимый для полной вразумительности послѣдующаго нашего изложенія. Во второмъ отдѣлѣ, укажемъ, въ сжатомъ видѣ, разные роды преступленій на Руси въ разсматриваемое нами время и наказанія за нихъ, что нужно для уясненія третьяго отдѣла, именно понятія о сыскѣ и судѣ, какъ особыхъ формахъ тогдашняго судопроизводства. Затѣмъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ отдѣлахъ мы изложимъ поручительство и арестъ по уголовнымъ дѣламъ, порядокъ судопроизводства по сыскнымъ дѣламъ, порядокъ судопроизводства по суднымъ дѣламъ и судебныя пошлины, наконецъ, въ заключеніи, кратко сравнимъ наше судопроизводство XIV, XV, XVI и первой половины XVII вѣковъ съ современнымъ ему судопроизводствомъ на западѣ Европы, чѣмъ наглядно опредѣлится мѣсто и значеніе древняго русскаго суда по отношенію къ отпращивленію въ старину правосудія у западно-европейскихъ народовъ.
